

Приблизительно полтора года назад в Москве начали появляться увесистые черные книжки в белых суперобложках: Собрание сочинений Цветаевой, издательство «Эллис Лак», Москва, 1994. На первом же томе было объявлено, что собрание будет «в семи томах». И вот мы получили в Париже последний седьмой том. Даже не верится! За такой короткий срок осилить такое издание! Бывают же чудеса!

Томы 1, 2 и 3

Напомним читателям (поскольку книги выходили в разное время в течение двух лет и не в логическом порядке), что в 1-й том собрания сочинений Марины Цветаевой входят стихотворения — от 1906 до 1920 гг. Во 2-й — стихотворения до 1941 года и переводы. А в 3-й — поэмы, поэмы-сказки, драматические произведения и приложения.

Произведения расположены в хронологическом порядке, а не в порядке прижизненных изданий цветавских книг; благодаря этому принципиальному методу в сборники включены вещи, которые сама Цветаева из своих книг исключала, делая строгий отбор. Кроме того, даны комментарии к ранним стихотворениям Цветаевой, которые раньше мало или вообще не комментировались (например, к стихотворениям периодов «Вечернего альбома» или «Ремесла» и др.). Напомним, что годы создания «Ремесла» или «После России» были решающими и поворотными в творчестве поэта, поэтому так важно иметь возможность читать подряд все стихи, относящиеся к этому времени.

Томы 1 и 2 были уже известны осведомленному читателю, так как они вышли первыми, следом за ними был 5-й том. 2-й том сопровождается удобным указателем к стихотворениям и переводам. Тут следует особо отметить, что обещания двухлетней давности блестяще выполнены, учитывая такой короткий срок и количество известных препятствий, которые пришлось преодолеть.

Главное достоинство нового издания заключается в том, что оно, на сегодняшний день, является самым полным. Все произведения Цветаевой собраны в книгах, и не нужно больше рыться по библиотекам, искать в разных журналах, когда хочешь составить себе синхронную картину какого-нибудь отдельного периода или творчества поэта в целом. К тому же, можно относиться с абсолютным доверием к тщательности отбора материала. Составитель сумел привлечь к работе лучших специалистов по Цветаевой, не говоря уже о целой команде трудоспособных и умных технических сотрудников.

В первых томах нового собрания сочинений собраны все стихотворения Цветаевой, даже незавершенные. Они приведены в комментариях, и тоже, конечно, в соответствии с хронологией. Все стихотворения датированы, даже самые ранние. Специалистам это экономит много рабочего времени, а для широкой публики такие детали всегда интересны.

Раздел переводов требует от читателя умения оценить и соответствие (или несоответствие) цветавского текста с оригиналами, и особую музыку ее стиха, берущую свое начало от взятых или навязанных извне образцов. Этот раздел заслуживает отдельного изучения и еще ждет своего специалиста. Но переводы во все времена читались людьми, по большей части не знающими оригиналов, таким образом традиция Жуковского имеет еще одного продолжателя, и на языке современной поэзии.

Добавим к нашим лестным отзывам, что теперь, имея в руках все семь книг (в том числе обширную переписку), получаешь полную и впечатляющую картину всего творчества Цветаевой. В при-

Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Москва, «Эллис Лак», 1994–1995. Т.1. Стихотворения. Т.2. Стихотворения. Переводы. Т.3. Поэмы. Драматические произведения. Т.4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. Т.5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. Т.6. Письма. Т.7. Письма.

И невозможное возможно

О собрании сочинений Марины Цветаевой в семи томах

ложение к тому поэм (Т.3) включены фрагменты и незавершенные вещи, которые до сих пор не привлекали особого внимания издателей отдельных книг. Сюда же вошли и драматические произведения Цветаевой. Это издание полнее книги «Марина Цветаева. Театр», Москва, «Искусство», 1988, так как в него вошел театральный набросок «Пьеса о Мэри» (первая публикация: Литературный сборник. Нью-Йорк, «Руссика», 1982), этот раздел книги сопровождается также статьями составителей о поэмах и театре. Содержание этого тома особенно удачно, потому что, с одной стороны, поэмы Цветаевой представляют отдельный и интереснейший пласт ее творчества (как видно из анализов Е.Б.Коркиной), а с другой — в последние годы интерес к театру Цветаевой наглядно растет, как в России, так и на Западе.

И в чисто внешнем аспекте эти три тома (как, впрочем, и остальные четыре) вполне отвечают надеждам читателей: выдержан уровень не только комментариев, но и полиграфическое оформление: качество бумаги, набора, шрифта, переплета и т.д. А это, как известно, в теперешних русских условиях дается нелегко.

Томы 4 и 5

В том 4 входят воспоминания о современниках и дневниковая проза. Надо сказать, что довольно хорошо известная читателю проза Цветаевой никогда до сих пор не печаталась в таком объеме. В 5-й том вошли все критические статьи и автобиографическая проза, которая до сих пор была известна читателю по хорошему, но разрозненному изданию. Известно, что всякий специалист особенно ревностно относится ко всему «личному»: записям, запискам, фрагментам, черновикам, словом, к любому неизвестному до толку тексту. И в томе 4 налицо именно такая аккуратность: в нем приведены все ответы Цветаевой на анкеты, по крупицам собраны дневниковые записи, с использованием комментариев других изданий.

В 5-й том включены также опущенные самой Цветаевой фрагменты, вплоть до отдельных фраз, например, в «Доме у старого Пимена» или в финале «Пушкина и Пугачева», и еще в «Искусстве при свете совести». Чтобы выследить все эти добавления, пополнения и уточнения, нужно, конечно, погрузиться с головой в обильные комментарии. Это не всегда легко, но ведь сама Цветаева писала, что читатель должен устать от чтения, а комментарий не есть «летний лимонад».

Нужно прибавить, что комментарии к «Встрече с внучкой Пушкина» интересны и подробны (т.4), тогда как страницы, относящиеся к очеркам об И.В.Цветаеве или к другим эссе, иногда более беглы или поверхностны.

Письма

В последний — 7-й том (вместе с предыдущим — 6-м) вошли почти все на сей день известные письма Цветаевой. Двухтомник писем (т.6 — 800 стр., т.7 — 847 стр.) предваряет вступительная статья известного специалиста по творчеству Цветаевой — А.А.Саакянц, а также объяснительные заметки составителя Л.А.Мнухина. Два последних тома имеют огромное значение не только для специалиста, но и для широкой публики, интересующейся творчеством Цветаевой.

6-й и 7-й тома издательства «Эллис Лак» представляют на сей день самое полное издание цветавского эпистолярного наследия. Поначалу составители предполагали опубликовать 900 писем, на самом деле их теперь издано более тысячи, так как по ходу дела были сделаны некоторые счастливые находки. Трудно представить ценность такого крупного собрания для специалиста, да и просто для любопытного читателя. Вряд ли все остальные произведения Цветаевой, вместе взятые, могут предложить читателю такой бо-

гатый биографический материал.

Кроме количества писем следует еще подчеркнуть, что они охватывают огромный период времени. Первые письма относятся к ранней юности Цветаевой (1905 год), о которой до сих пор часто было известно только из автобиографических очерков поэта или из воспоминаний ее сестры. Последние письма написаны в Елабуге, и невозможно не упомя-

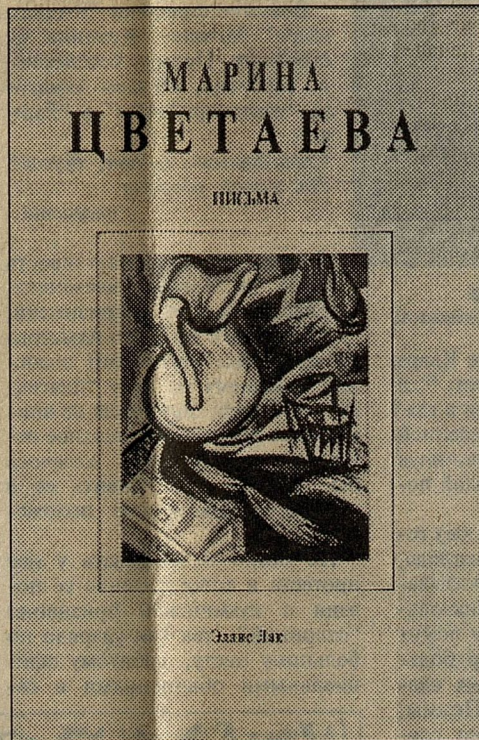
Цветаевой, — письмо Н.С.Гончаровой, о которой Марина Ивановна в конце 20-х годов начала писать большой очерк. Письмо также до сих пор не опубликовано. В момент, когда Цветаева закончила три главы (представляющие около шестой части окончательного текста), она пишет Наталье Гончаровой поздравление к Новому (1929-му) году:

«С Новым Годом, дорогая Наталья Сергеевна! Хочу, чтоб он прошел под знаком дружбы с Вами. О, не бойтесь! — это Вам — ни Вашему делу, ни Вашему времени — ничем не грозит. На первое место ставлю чужой труд, на второе — свой, на третье — труд совместный, который и есть дружба».

И далее: «Просьба: когда у Вас попрошу — дайте мне час: с глазу на глаз. Хочу среди другого, попытку эмоциональной духовной биографии; много о Вас знаю, но есть вещи, которые знаете только Вы, они и нужны».

В этом отрывке выражены вся цветавская любовь, открытость, уважение к чужому и к собственному труду, но и какая непомерная требовательность к другому!

По поводу этой требовательности можно упомянуть еще и два, правда, уже опубликованных, но трудно доступных на Западе письма

Е.Б.Тагеру. В них звучит, как на струнах эоловой арфы, стон истерзанной души поэта за полтора года до смерти. Письма последнего периода жизни Цветаевой в Москве и Елабуге, впервые вместе собранные в этой книге, позволяют воссоздать гораздо более ясную картину ее состояния.

Но среди опубликованных есть письма очень длинные и глубокие о творчестве: лучшим примером, несомненно, служат письма к Борису Пастернаку, в которых подробно разбираются словесные (а вместе с тем и идеологические) требования поэта к самому себе и к другому поэту. Но удивительны и письма к Роману Гулю, который так сумел сформулировать свои вопросы, что предоставил Цветаевой возможность уточнить биографические данные вместе с авторской интерпретацией своих произведений. Добавим, что письма печатаются без сокращений, сделанных в первой публикации.

Приведем еще один интересный случай, когда Цветаева высказывается об отношении к собственному труду, о котором она в своих статьях о поэзии так откровенно не говорит. Письмо написано на юге Франции летом 1935 года, после известного разочарования Цветаевой от «не-встречи» с Пастернаком в Париже, на Международном конгрессе писателей:

«От Б<ориса> у меня смутное чувство. Он для меня труден тем, что все, что для меня — право, для него — его, Борисин, порок, болезнь». А дальше: «Я не плачу, это глаза плачут». И ниже: «А плакала я потому, что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику, называя всего себя и все в себе — болезнью».

Следует уточнить, что в этот момент Пастернак находился в очень тяжелом физическом и моральном состоянии. И тем не менее, никогда, ни при каких испытаниях и при самых тяжелых обстоятельствах, Цветаева не назвала бы Лирику болезнью, а свой любимый долг и труд — пороком!

Несколько слов о порядке писем: неисключенный читатель хотел бы, чтобы ему открывалась картина истории души, то есть хронологическая, но, заглянув в оглавление, он видит разные даты и не сразу улавливает хронологию. Начиная же читать отдельные письма подряд одному адресату, он понимает, что письма сгруппированы, как полагается, по ад-

ресатам, а общая группировка хронологическая, с отсчетом даты от первого письма каждому адресату. И главное — комментарии непосредственно следуют за группой писем.

Читатель может не сразу почувствовать сложность этих комментариев, ведь они объясняют совершенно разные эпохи, касаются разных мест, отражают разные географические и социальные перемены, и, наконец, в них включено огромное количество имен. К тому же общие места в письмах к разным адресатам объединены взаимными отсылками. Комментарии достаточно подробны, благодаря чему теряют обычную для этого жанра сухость и часто интересны даже для неспециалиста.

Судя по примечаниям, текстологическая подготовка была очень тщательной: многие письма были заново сверены с оригиналами, когда таковые имелись или нашлись. Прделана была большая работа и в связи с поисками разбросанных писем или даже фрагментов по журналам и книгам. Исползованы и западные публикации (напр., итальянский перевод писем Серены Витале). К тому же следует отметить, что в русских изданиях теперь полагается учитывать труды западных специалистов (хотя это стало принципом не так давно и придает всему изданию не только грамотность, но и тактичность и благородство!). Поэтому интересно не только читать, но и сравнивать с тем, что было известно раньше.

Наконец, читателю может и надоесть так подробно вникать в «труды и дни» поэта. Тогда на выручку приходят великолепно составленные указатели. Можно просто читать письма, перескакивая от одного адресата к другому, чтобы получить синхронную картину, и тогда не только указатель писем по адресатам или указатель имен и названий незаменимы, но следует оценить и полный указатель произведений Цветаевой, включающий и произведения, упомянутые в письмах. Достаточно сказать, что (кроме указателя к стихам и переводам, напечатанного в конце 2-го тома) эти примечания занимают почти сто страниц 7-го тома.

Самые последние приложения, однако, наоборот, совсем кратки: три стихотворения, отрывок прозы и 28 писем. Это хороший признак, потому что когда приложения разрастаются, это обычно означает, что недостаточно четки принципиальные установления, что работа растянулась на слишком большие сроки или была недостаточно тщательно проделана.

Если уж речь зашла о цифрах, то можно и удивиться списку опечаток и поправок, относящихся к более чем пяти тысячам страниц первых томов (всего в семитомнике 5099 страниц): он занимает (пока ?!) всего лишь полторы странички.

В заключение хочу с благодарностью заметить, что хронологический порядок стихотворений, плюс указатель всех произведений, плюс указатель адресатов писем, плюс именной указатель — все это вместе дает необходимые сведения для разработки любой новой темы по жизни и творчеству Марины Цветаевой.

И напоследок одна (для российских издательств вполне утопическая) мечта: а если бы все семь томов соединить в один толстенный томик, да напечатать его в мягком добротном переплете и на тонкой бумаге, как печатают Библии, да набор сделать абсолютно безукоризненными вечными «чернилами» — вот бы подарок читателю, держащему всю Цветаеву в одной руке! А ведь во Франции есть такие книги, называются они «Коллекция Пляды», выпускает их издательство «Галлимар», так оно печатает французскую классику: Пруста, Камю, Рембо. Но разве Цветаева не классик?

А пока составителям прекрасного черно-белого семитомника творчества Цветаевой Анне Саакянц и Льву Мнухину и всем их сотрудникам от читателей-специалистов и от читателей-любителей (от слова «любить»), а также и от всех остальных читателей — низкий поклон и благодарность за огромный труд и воспитательные плоды.

ВЕРОНИКА ЛОССКАЯ

Париж